

СССР КАК УТОПИЯ В РОССИЙСКОЙ ФАНТАСТИКЕ XXI ВЕКА

Мартынов Д.Е.

*ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт
международных отношений, истории и востоковедения,
420008, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55*

e-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

поступила в редакцию 9 ноября 2015 года

Аннотация

Статья посвящена анализу форм представления СССР как утопического (или антиутопического) идеала в русскоязычной фантастической литературе XXI века. Жанровые маркеры утопии оказываются размытыми и тесно переплетены с жанрами социально-психологической фантастики и альтернативной истории; с последней утопию роднит описание трансформированных миров. Выделены три основных формы представления трансформированного мира, причём авторы, чьи политические пристрастия колеблются в широком диапазоне, признают невозможность сохранения СССР в реальной исторической ситуации и конструируют различные предпосылки его сохранения, в том числе и в параллельном мире. Характерной особенностью утопических текстов рассматриваемого периода является невозможность сформулировать оригинальный позитивный образ светлого будущего, в качестве конечной цели существования сохранённого СССР обычно используются коммунистические модели И.А. Ефремова и А. и Б. Стругацких.

Ключевые слова: *утопия, антиутопия, либерализм, тоталитаризм, инверсия, глобализация, цивилизация, научная фантастика, альтернативная история.*

Введение. Л. Геллер и М. Нике, завершая в 1994 г. свою новаторскую во многих отношениях работу «Утопия в России», выражали надежду, что «Россия выходит из советской утопии и, попытавшись сперва перепрыгнуть из одной системы в другую, постепенно приучается к реальности» [1]. Как показывает анализ книжного рынка и пространства самодельных литературных и литературно-исторических сайтов, как читатели так и писатели за прошедшие 20 лет вовсе не стремились выходить из советской утопии как таковой. В 2012 г. мы попытались проанализировать пространство современной российской утопии, выделив в ней несколько магистральных направлений [2]. В нашем исследовании выяснилось, что в полном соответствии с наблюдениями Геллера и Нике, утопия редко проявляется в законченных романических формах, так же как для русской утопии характерно резкое расщепление идеала как такового. В политико-идеологическом плане мы выделили два лагеря в современном российском утопизме: державники-патриоты, образцом для которых является СССР, с позиций утраченных достижений которого критикуется глобальная цивилизация и современное российское общество; а также приверженцы глобально-космической экспансии, формы реализации которой не имеют между собой ничего общего.

Следующим шагом в исследовании является анализ текстов, в которых современные авторы, работающие на русском языке, рассматривают – прямо или опосредованно – СССР как воплощённую утопию. Рассмотренный набор текстов не является совершенно исчерпывающим, в наши задачи входила репрезентация основных направлений в писательском и, соответственно, читательском восприятии.

Основная часть.

Методология. Занимаясь проблемами утопии с исторической точки зрения, мы выработали ряд теоретических установок, последовательное изложение которых составит совершенно другую работу. Нижеследующие тезисы призваны прояснить нашу позицию,

принём каждый из них раскрыт в специальных публикациях [3], [4], [5] или может быть аргументирован в любой момент.

— Под «утопией» следует понимать литературный текст, основным предметом которого является изображение общественного устройства, которое представляется автору-утописту наиболее совершенным с политической, экономической, эстетической и любой иной точек зрения. Соответствующее общество обозначается тем же термином, и по сути своей сходно со школьным определением горизонта – к утопии можно стремиться и можно пытаться её построить, но в осязаемом виде она не существует.

— В этом плане утопический жанр оказывается теснейшим образом связан со всевозможными разновидностями фантастики, поскольку значительная часть фантастических произведений (не суть важно, фэнтезийных или научно-фантастических) также посвящены трансформации миров и их разнообразных аспектов.

— В литературном отношении утопия представляет собой трактат в беллетристической форме. Это резко сужает собственно художественные возможности автора, который, чаще всего, и не ставит перед собой подобных задач специально.

— Метод демонстрации идеального общественного устройства, в общем, един во всех утопиях: это травелог, позволяющий развернуть перед протагонистом утопическое общество во всей его полноте. Изложение при этом может вестись от первого лица, а необходимые пояснения (лекции, из которых любой утопический текст состоит не менее чем наполовину) дают персонажи, встречающиеся ему на пути. К самой первой «Утопии» Томаса Мора восходит статичный главный герой, которому утописты сами или через посредника сообщают то, что желают сообщить о себе *urbi et orbi*; при использовании такого метода возможности читателя и персонажа равны. В фантастической литературе используется другой метод: повествование от первого лица, которое вначале знает больше, чем читатель.

— Общественный идеал создаётся инверсией современного утописту общества, поэтому имеет тенденцию к быстрому устареванию и превращению в свою противоположность: утопии Т. Мора, Т. Кампанеллы и Э. Кабе ныне можно использовать как хрестоматийные примеры тоталитарного общества.

— Главной задачей любого автора-утописта является преодоление существующей человеческой природы, что достигается изменением общественной среды обитания: в первую очередь – ликвидацией частной собственности и всемерной рационализацией человеческой деятельности, ограничением её инстинктивной стороны.

— Всё разнообразие утопических сообществ можно поделить по особенностям хронотопа на две категории: закрытые и открытые.

— Закрытая утопия островного типа в классическом виде описана основоположником жанра – Томасом Мором, общества этого типа располагаются, как правило, на изолированных островах. Яркими примерами являются «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Икария» Э. Кабе, «Остров» О. Хаксли. Для идеалов такого рода характерна жёсткая регламентация и стандартизация уклада жизни, а также закрытый характер общества.

— Модель открытого глобального утопического сообщества впервые, по-видимому, предложил Г. Уэллс в романе-трактате «Современная Утопия» в 1905 г., хотя на пути к описанию такого общества находился ещё Э. Беллами с известным романом «Оглядываясь назад» (1889). К этой же разновидности относятся советские утопические романы И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957 г.) и А. и Б. Стругацких «Возвращение (Полдень, XXII век)» (1961, вторая редакция – 1967 г.). Именно последние определяют утопический идеал в современной российской литературе, обусловив отказ писателей от создания полноценной самостоятельной модели. В открытой утопии возможны различные формы регламентации (особенно у Г. Уэллса), но, в общем, личность имеет все возможности для самовыражения и практически полный набор прав и свобод, которые представляет себе современный человек [6].

Для введения в основной контекст добавим ещё два тезиса:

— Со второй половины XX в. утопии как таковые появляются относительно редко, хотя сам по себе жанр, испытав сильнейшее воздействие фантастической литературы, сохранился.

— Современные российские авторы, так или иначе соприкасающиеся с утопической литературой, склонны вспоминать СССР как воплощённую утопию или, по крайней мере, достаточно жизнеспособную попытку её создать. При этом совершенно неважно, воспринимается ли утопия с позитивной или негативной стороны.

Утопия и фантастика. Приходится вновь согласиться с Л. Геллером и М. Нике: жанровые каноны, как утопии, так и разнообразных разновидностей фантастической литературы, были импортированы в российское культурное пространство сравнительно поздно. Поскольку чуть ли не со времён петровских реформ утопическое конструирование стало одной из функций власти, возникло своего рода состязание в утопичности мышления между властями предрержащими и неофициальными утопистами, как элитарными, так и народными [7].

Известный исследователь утопии, редактор журнала “Utopian Studies” Л. Сарджент констатировал, что примерно после 1950 г. утопия как таковая почти полностью растворяется в научной фантастике [8]. Не оспаривая данного тезиса (чья категоричность сама по себе является достаточным основанием для критики), отметим, что такой подход чрезвычайно удобен для разработки нашей темы. В этом плане характерную концепцию предложил известный писатель и специалист-синолог, доктор исторических наук В. М. Рыбаков (р. 1954 г.), связавший эсхатологический поворот в общественном сознании с «мутацией» научной фантастики, объектом которой стала не трансформация миров, а собственно трансформированные миры. Данному вопросу была посвящена его статья «Фантастика как религиозная литература» [9]. Заметим, что тезисы В. Рыбакова подверглись в кулуарах критике из-за несоответствия «бытовых» выводов и таланта профессионального публициста, который весьма небрежно обошёлся с огромными пластами культуры. Тем не менее, в следующем обзоре речь пойдёт в первую очередь именно о трансформированных мирах. Оговоримся, что ряд анализируемых текстов формально ограничивается именно тем, что фоном действия является именно СССР, а не генерал-губернаторство Рейха, существующее в наше время (как у А. Лазарчука, Ю. Нестеренко или Зотова), Российская империя, или что-то в этом же духе.

Образы СССР в современной российской фантастике. Весь массив современных текстов, в которых речь заходит об утопическом образе СССР, можно условно классифицировать по трём направлениям, основываясь, главным образом, на хронотопе, и, отчасти, средствах поэтики, используемых авторами:

1. *СССР – антиутопия*, чаще всего изображаемая по аналогии с реалиями мира «1984» Дж. Оруэлла (Е. Бенилов, К. Еськов).

2. *СССР – утопия, локализованная в параллельном мире*; таковы тексты М. Лернера, О. Лукошина, а также цикл «иронических пародий» О. Измерова.

3. *СССР – потенциальная утопия, становлению которой способствуют наши современники из XXI века*. В первую очередь мы имеем в виду огромный альтернативно-исторический цикл В. Савина и меньший по объёму цикл А. Ходова.

Рассмотрим данную классификацию подробнее:

1. Выделяя первую категорию, следует иметь в виду, что она в наибольшей степени обращена к архетипическим воспоминаниям любого человека, который сталкивался с бытовой неустроенностью далёкого и недавнего прошлого. В этом плане вполне типичен роман «1985» [10] Е. Бенилова – профессионального математика, который ещё в 1990 г. уехал на работу в Австралию, и в настоящее время работает в Ирландии. Автор очень серьёзно подошёл к решению своей задачи, однако роман, опубликованный в 2003 г., производит странное впечатление. Во-первых, это ухудшенная копия прототипа – «1984», откуда черпались выразительные средства. Автор хотел написать антиутопию, в которую бы вложил весь заряд неприязни к бывшей родине, и создал СССР, в котором в 1985 году к

власти вместо Горбачёва пришёл Г.В. Романов, навсегда остановил время (законодательно наступил 1985 год на веки вечные) и присоединил к Союзу всю Европу до Ла-Манша. В результате получилось, что придуманный им мир явился вполне условной декорацией для вымученного сюжета, и сам по себе этот мир, описанный в серо-чёрных красках, ничуть не лучше России 1990-х и нулевых. В чём-то даже стабильнее, без «горячих точек» и локальных конфликтов. Подозреваем, что именно это стало главным для решения редакции опубликовать этот текст почти одновременно с «Бессильными мира сего» Б.Н. Стругацкого или текстами В. Пелевина.

В повести К. Еськова «Дежа вю», опубликованной в 2001 г. и переизданной в антологии «Чайки над Кремлём» [11], антиутопический образ СССР сложнее и показан с двух позиций: закоренелого геймера и интеллигента, лишённого, кроме иллюзорной реальности, возможности покинуть пределы своей страны и посмотреть мир. По сюжету К. Еськова – кстати, известного учёного-палеонтолога, СССР, благодаря приходу к власти сотрудников спецслужб и американским санкциям, превратился в гигантский аналог Северной Кореи, живущий в себе и для себя. Только знакомство с дочерью крупного номенклатурного чина, владеющей ноутбуком и набором игр, позволяет главному герою проживать несколько жизней. Объём повести и другие литературные задачи (очень интересен переход от фэнтези к альтернативной истории), поставленные автором, не позволяют сказать большего.

2. Очевидная невозможность сохранения СССР в реальной истории заставляет некоторых авторов использовать мотив перемещения между параллельными мирами, что применительно к утопии впервые сделал ещё Г. Уэллс в 1905 г. В этом плане весьма интересен цикл «Империя» брянского автора О. Измерова, три книги которого были опубликованы в 2012 – 2013 г., четвёртая полностью закончена, но ещё не вышла на бумаге. Автор характеризует свой жанр как «ироническую пародию», что позволило ему сознательно использовать жанровые штампы и проводить собственные задачи – конструирование российского общества в разных исторических условиях. В интересующем нас тексте – «Дети Империи» [12], стилистика техноутопии 1950-х гг. была использована для конструирования альтернативного мира, в котором Третий Рейх и СССР, избежав мировой войны, ведут глобальное противостояние в условиях сосуществования ещё и с США и Японской империей, ставших полностью автарктическими экономическими организмами. Действие романа разворачивается в 1958 г., когда Генсеком является Л.П. Берия, не был уничтожен кооперативный сектор экономики, прекращены репрессии (поскольку грядущая мировая война является ядерной) и ведётся модернизация экономики на основе достижений научно-технической революции. Причина такого курса – невозможность явного идеологического позиционирования СССР на глобальной арене, поэтому нет и «строительства коммунизма», поскольку внешняя угроза является одним из мотиваторов продуктивного труда и нет возможности апелляции к «коммунистической сознательности». Отчасти мир, описанный О. Измеровым, может напомнить суждения о коммунистической России И. Ефремова из романа «Час Быка».

Израильский писатель М. Лернер в приключенческом боевике «Совсем не прогрессор» [13] изобразил совершенно другой мир. В нём СССР выиграл Вторую мировую войну, но оказавшись в изоляции Холодной войны, военные и технократы устранили Сталина и установили имперскую этно-социальную пирамиду, на вершине которой триединый русский народ. Национальные республики ликвидированы, бывшие государства Варшавского блока и Северная Корея – союзные республики, поставщики рабочей силы и сырья. Образ СССР-«долгожителя» не слишком отличается от СССР «нашей» действительности, что и придаёт авторской идее убедительность. Всё то же противостояние с США, война в Афганистане, вездесущие спецслужбы, негибаемая «властная вертикаль», бесплатная медицина, регламентация всех сторон жизни и, прежде всего, снабжения. Собственно, категории снабжения при вечном дефиците плановой экономики (6 категорий с литерами от А до Я), скопированные, кстати, из опыта ГУЛАГа (или военного коммунизма), заменили в этом мире Табель о рангах; только у славян от рождения категория выше, а

«нацмены» (включая немцев) никогда не смогут её повысить. Кстати, в «этом» СССР специалисты по «эвээм» нарасхват (электронно-вычислительными машинами в здешней реальности называют компьютеры, – ещё одна достоверная деталь). И у О. Измерова, и у М. Лернера всеильное государство приводит к резкому ослаблению партократии, за которой оставлены воспитательные и идеологические функции.

Для романа О. Лукошина «Коммунизм», увидевшего свет в журнале «Урал» в 2011 г., не было необходимости создавать особый мир. Сюжетный ход, определяющий всю литературную конструкцию, схож с поздней утопией Г. Уэллса «Люди как боги» (1923 г.). Вожденный коммунизм никуда не делся, он существует за гранью параллельного измерения, куда надо только попасть, пройдя положенный тернистый путь и принеся положенное количество жертв. Коммунистический СССР обрисован грубоватыми мазками, но не схематично, причудливо сочетая отсылки к коммунизму Стругацких (с гигантской статуей Ленина, видной из любого уголка города) с набором штампов, свойственных литературе нулевых годов в жанре альтернативной истории и «попаданцев». Прежде всего, это горячая любовь к Г.В. Романову, который волею О. Лукошина стал генеральным секретарём после удачного покушения на М. Горбачёва и Рейгана в 1985 г. О собственно радостях жизни при коммунизме мы можем судить только по восприятию протагониста – очень специфической личности, профессионального убийцы, именующего себя революционером. В общем, кроме общедоступных космических полётов, очень ограниченного рабочего дня и просторных квартир, говорить здесь не о чем: подразумевается всё то разумное, светлое, доброе, что может только вспомнить и представить читатель.

3. Третий класс из выделенных нами содержит утопический элемент в более растворённом виде; тем не менее, данные тексты также содержат набор утопических маркеров. Альтернативно-исторический цикл В. Савина «Морской волк» на 2015 г. включает 11 объёмных романов, из которых к настоящему времени вышли на бумаге 10. Сюжетная конструкция всего цикла зиждется на том, что наша подводная лодка К-119 «Воронеж» во время боевых учений неведомым путём попала в 1942 г., её экипаж присягнул на верность советскому народу (но не сталинскому руководству!) и помог завершить Великую Отечественную войну к 9 мая 1944 г. Имеющиеся на борту образцы технологий и многочисленные книги, в том числе по истории, позволили Сталину изменить образ своего правления, исправив многочисленные ошибки, и приступить к реальному построению коммунистического общества. Этому должны активно содействовать носители коммунистического идеала, например, И.А. Ефремов, которого пришельцы из будущего рекомендовали властям.

В цикле А. Ходова (включает 4 романа и незаконченную повесть) сюжетная конструкция похожа: в 1940 г. попал реактивный пассажирский самолёт, среди спасённых оказался инженер – насколько можно судить, альтер-эго автора, который смог доказать свою полезность властям СССР. К сожалению, напечатан был только самый первый роман, не вызвавший интереса читателей и критиков, чему, отчасти, способствовало на редкость неудачное заглавие, присвоенное издателями [14]. Специфика жанра в данном случае очевидна: чтобы в альтернативной реальности 1940-х руководители СССР могли начать построение коммунизма, Вторая Мировая война должна была пойти по иному сценарию. Действительно, в третьем романе из цикла А. Ходова, Германия вторгается в 1941 году на Ближний Восток, а боевые действия с СССР начинаются намного позже, зато с применением ядерного оружия. Утопическая доктрина А. Ходова описана в главах 10 и 11 четвёртого романа [15]. Предложенные автором порядки системно напоминают утопию Г. Уэллса с Орденом Самураев (в роли которого выступает партия большевиков), а коммунистическая идеология дополнена конфуцианской этикой. Создание сетевой структуры будущей Коммуны позволит отработать фильтр для вовлечения в общественную активность лучшего человеческого материала. В соответствии с заветами И. Ефремова, новый, коммунистический человек будет носителем системы ценностей, не основанной на

биологических инстинктах, для чего детей членов партии воспитывают в интернатах, практикуется аскетизм. Финал романа также явно отсылает к образам И. Ефремова.

В 2011 г. А. Ходов разместил на сайте журнала «Самиздат» неоконченную повесть «Трансдукция» [16], которая показывает результаты создания Коммуны с позиции обыкновенного советского интеллигента 1960-х гг. – носителя либеральных ценностей, ориентированного на западный идеал потребления. К 2015 г. работа над повестью ещё ведётся.

Выводы. Анализ утопических текстов, созданных в русскоязычном литературном пространстве за последние 15 лет, демонстрирует ряд характерных тенденций. В бинарной классификации Л. Мэмфорда подавляющее большинство утопий, созданных в современной России, относится к «утопиям бегства», потому не случайно сопряжение собственно социально-утопического жанра и альтернативной истории. Существуют и более «долгоиграющие» тенденции: как выявлено Б.Ф. Егоровым, для всех российских авторов-утопистов до 1917 г. было характерно отсутствие всеохватного универсализма в смысле отображения в одном тексте комплекса разномасштабных объектов (ряд: личность – семья – группа людей – поселение – сословие – нация – человечество – космос) [17]. Точно так же современные утописты сходятся в избирательности и антиуниверсализме, который, однако, не отрицает глобальности, свойственной утопическому жанру вообще.

Преимущественно к утопическому жанру в восприятии СССР обращаются авторы, которых мы классифицируем как «державников-патриотов». Среди либерального лагеря обращения к жанру реже, причём эти попытки показывают непоследовательность и ряд недостатков, свойственных либеральной модели общества вообще. Характерно, что авторы-либералы (В. Рыбаков, Е. Бенилов, К. Еськов, отчасти О. Измеров) используют антиутопические приёмы, но созданная ими модель общества имеет ряд достоинств, как коррелирующих с реальной советской общественно-экономической системой, так и особенностями развития современного глобализирующегося общества.

Авторы-державники (особенно А. Ходов и, частично, О. Измеров) используют достижения СССР, представленного как идеальный тип М. Вебера, для резкой критики современного общества и цивилизации. Характерным явлением для утопистов данного направления становится отсутствие попыток сформулировать собственный позитивный идеал, в качестве такового выступают картины коммунистической утопии, созданной в 1950-е – 1960-е гг. И.А. Ефремовым в романе «Туманность Андромеды» и А. и Б. Стругацкими в цикле повестей о Мире Полудня. Общим местом является также то, что создание коммунизма не мыслится утопистами вне прохождения этапа тоталитарного общества (или авторитарного), которое насильственно изменит не только социальные отношения, но и природу человека и модель его поведения, безотносительно к тому, будет ли это диктоваться идеологией или некими рациональными мотивами. Впрочем, в рамках утопического мировидения, идеология также является рациональной и основана на естественных законах, как их понимает автор.

Список литературы

- 1) Геллер Л., Нике М. Утопия в России / пер. с фр. И.В. Булатовского. СПб.: Гиперион, 2003. С.250.
- 2) Мартынов Д.Е. Русское поле утопий: обзор начала XXI века // Международный журнал исследований культуры. 2012. №4(9): Русская утопия. С.85-93.
- 3) Мартынов Д.Е. Существовала ли в Китае утопия? // Вопросы философии. 2011. №12. С.150-159.
- 4) Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» // Вопросы философии. 2009. №5. С.162-171.
- 5) Мартынов Д.Е. К вопросу о методологии исследования утопии с точки зрения историка (на примере Эдварда Беллами) // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». Курск, 2008. №1. С.166-173.

- 6) Martynov D.E., Martynova Y.A.. “Nonclassical Turn” in Utopianism (the Beginning of the 20th Century): History, Historiography, Methodology // Journal of Sustainable Development. 2015. V.8,N4. P.246-252.
- 7) Геллер Л., Нике М. Утопия в России / пер. с фр. И.В. Булатовского. СПб.: Гиперион, 2003. С.257.
- 8) Ковтун Н. Деревенская проза в зеркале утопии. Новосибирск: СО РАН, 2009. С.25.
- 9) Интернет-ресурс: Рыбаков В.М. Фантастика как религиозная литература // Вячеслав Рыбаков. Официальная страница: Публицистика. <http://www.rusf.ru/rybakov/pages/publ4.html>.
- 10) Бенилов Е. 1985: Роман. М.: АСТ, 2003. 288 с.
- 11) Еськов К. Дежа вю: Повесть // Чайки над Кремлём: Антология. Сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С.178-234.
- 12) Измеров О. Дети Империи: Ироническая пародия. М.: Альфа-книга, 2012. 440 с.
- 13) Лернер М. Совсем не прогрессор: Роман. М.: Альфа-книга, 2013. 448 с.
- 14) Ходов А. Шарашка «попаданцев». Опередить Гитлера! (Роман). М.: Эксмо, Яуза, 2011. 352 с.
- 15) Интернет-ресурс: Ходов А. Игра на выживание-4. http://samlib.ru/h/hodow_a/aa4.shtml.
- 16) Интернет-ресурс: Ходов А. Трансдукция. http://samlib.ru/h/hodow_a/aa5.shtml.
- 17) Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство – СПб, 2007. С.377.